

Епископ ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ)

Книга бытия моего

<Фрагменты>

11 июля 1854 г. Воскресение. Наконец-то я приглашен к папе Пию IX, и вот печатное извещение меня об этом приглашении:

Anticamera, Pontificia.
Illmo Signor Porfirio
a Sua Eccza incaricato di Russia.
Dall' anticamera Pontificia.
Vaticano. 22 Luglio 1854.
È pregato giungendo in anticamera
di esibire il presente biglietto.
Si avverte, che non potrà essere ammesso
se non in uniforme, e non avendone l'uso,
in frack nero, cravatta bianca, e scarpa.
Si previene il Signor Porfirio
che Sua Santità
Si degnerà ammetterlo all' Udienza
Lunedì 24 all' ore 11 ant.

Il maestro di Camera di S. S.
Ed. Borromeo *

* Русский перевод: Двор Его Святейшества. Знаменитейшему господину Порфирию, его превосходительству, русскому уполномоченному. От двора Его Святейшества. Ватикан 22 июля 1854 г. Приглашается, чтобы он, по прибытии в переднюю, предъявил настоящий билет. Сообщается, что он не может быть допущен иначе как в мундире, а не имеющие его — в черном фраке, белом галстуке и в башмаках. Предупреждается господин Порфирий, что Его Святейшество удостоит принять его в аудиенции в Понедельник, 24-го, в 11 часов. Начальник двора Его Святейшества Эд. Борромео. — *Ред.*

Получив это приглашение и узнав из него, что меня просят явиться к папе в черном фраке, в белом платке на шее и в башмаках и чулках уставных, я не имел времени изготовить такую одежду, да и не хотелось мне представиться его святейшеству таким чучелом, и потому побежал к поверенному в делах наших при папе Александру Яковлевичу Скарятину (за отсутствием посланника Аполлинария Петровича Бутенева) и умолял его съездить к кардиналу Антонелли и спросить его, не может ли папа принять меня в такой одежде, какую я ношу как архимандрит. Скарятин привез мне благоприятный ответ: пусть архимандрит представится папе, не переменяя своей одежды, только пусть не надевает на себя креста, а ежели имеет орден, то может возложить его на себя. Папа желает видеть архимандрита Порфирия, но с тем, чтобы он не жаловался ни на иерусалимского патриарха Валергу, ни на тамошнее духовенство католическое. Как приказано, так и сделано. Скарятин дал мне свой орден Анны 2-й степени, а креста я не надевал, потому что и аббаты являются к папе без крестов, да и к нашим восточным патриархам ни один архимандрит не приходит с крестом на персях.

Папа желает меня видеть. Чтобы это значило? Услышим, узнаем.

Меня просят не жаловаться папе. Я и не думал жаловаться. Благоразумно ли и пристойно ли гостю быть челобитчиком? Да и кто поставил меня судьей над католиками? Никто. Я не посланник русского царя или русской Церкви. Ни он, ни она не дали мне никакого поручения к папе, никакого полномочия у него. По сему я не должен говорить с папою как дипломат. О чем он спросит меня, о том и возглаголю ему. Аминь.

12 июля, понедельник. Настал час отъезда моего к папе. Подали мне наемную карету. Я поехал, взяв с собою иеромонаха Феофана. Подъехали мы к Ватикану. Входим туда по мраморной лестнице высокой. Я волнуюсь, сам не зная отчего. От волнения подгибаются подколенки мои. Думаю: до сей поры я еще семинарист, робеющий пред всяким высшим лицом и особенно пред архиереем. Медленно приближаюсь к верхней площадке лестницы и слышу тут разговор о нас людей. Кто-то проговорил, что мы марониты¹, а другие ответили, что у маронитов шапки не такие, как на нас. Потом называли нас то греками, то армянами, но противоречили им наши камилавки. Наконец весь этот конклав решил, что мы — кальвинисты, потому что рясы у нас с широкими и длинными рукавами. Конклав замолчал. Нас ввели в предлинную горницу, в которой все стены покрыты фресковою живописью. Тут стояла в строй швейцарская гвардия папы в своем средневековом разноцветном наряде и алебардами своими

отдала воинскую почесть; не мне, — подумал я, — а ордену государя моего. Из этой горницы ввели нас напротив, в другую комнату. Здесь стояла так называемая гвардия нобиле, гвардия из благородных дворян, и отдала нам воинскую почесть, приставив свои обнаженные тесаки к своим медным каскам. Я смекнул, что было приказание папы принимать меня с такими почестями. Такой прием нимало не польстил самолюбию моему, а в папе выказал уважение к государю моему и к ордену его.

Из стоянки благородной гвардии ввели нас направо, в третью небольшую комнату. Тут у комода стоял какой-то папский чиновник, одетый в испанскую епанчу из черного бархата, и что-то писал. Он, раскланявшись с нами, попросил нас снять наши камилавки, поставить их на стулах и подождать приглашения. Стоим и ждем. Меня волнует загадочность, таинственность, неизвестность. Подошел ко мне какой-то новый сановник и попросил меня войти в соседнюю, четвертую комнату. Я тут и вижу, подходит ко мне духовный сановник, молодой и красивый, в красной одежде без ничего на голове. Волнуемый, я принял его за самого папу, хотя и знал, что его святейшество не только не молод, но и стар и, поклонившись ему низенько, приветствовав его по-французски, *saint père*, святой отец. Сановник, заметив мою ошибку, положил белую руку свою на плечо мое, и сказал мне: я не папа, а кардинал Гогенлое. Потом он спросил меня: что видели вы в Риме особенно замечательное? Я ответил ему: замечательны старинные мозаики в церквах и наипаче святыя образа Богоматери, писанные евангелистом Лукою. — «Ужели вы верите этому?» — возразил кардинал, усмехаясь. Его неверие подле непогрешимого папы, неверие непогрешимое в отрицаниях и сомнениях, маленько озадачило меня. Но так как и сам я сомневался в подлинности оных образов, потому что они не походили один на другой, следовательно, написаны не одною кистью, то и ответил собеседнику, улыбаясь: Да ведь вы же подписали под этими иконами: *ab evangelista Luca depicta*, — евангелистом Лукою написана».

Этим ответом кончился разговор наш, потому что какой-то духовный в белой полурубашке, какую надевают католики в церкви, позвал меня к папе, в пятую комнату. Он вошел туда, склонился к полу и поцеловал туфель папы. А я в эту минуту установился у столика, на котором святой отец подписывал какие-то бумаги, и рассмотрел, что он одет в белый кафтан, застегнутый пуговицами от шеи до ступней, и что голова его прикрыта черною, низенькою камилавочкою доминиканскою. Лицо у него белое и полное, добродушное, но не выразительное. Весь он дороден. Начался разговор наш после поясного

поклона папе и после целования его руки, протянутой по столу. Передаю этот разговор слово в слово.

Я. — Святой отец! Бог сподобил меня поклониться святым местам в Палестине и здесь святым мощам верховных апостолов Петра и Павла и многих святых мучеников. К этому блаженству моему присоединилось счастье видеть ваше святейшество.

Папа. — А мое единственное счастье есть соединение Церквей в Иисусе Христе.

Я. — И мы ежедневно молимся о благостоянии святых Божиих Церквей и соединении их в Иисусе Христе.

<...>

22 августа 1854 г. Почин соединения Церквей должен последовать от папы, потому что авторитет его весьма важен во всем католическом мире. Но с чего ему начать это великое и благотворное для человечества дело? Пусть начнет с малого и кончит большим. Пусть внушит своему духовенству и мирским писателям, чтобы они перестали называть нас схизматиками, выкидышами и другими пакостными названиями, так как мы удерживаемся от таких и подобных нареканий и западных христиан называем лишь католиками. На эту сдержанность нашу, сдержанность благоразумия, кротости и христианского братолюбия, ожидается ответ из Рима соответственный нашей евангельской скромности. Я, во время долговременного пребывания своего во многих областях Востока, заметил, что там христиане католические и православные, без вмешательства духовенства, живут между собою мирно. Посему католические священники пусть упрочивают их миролюбие, а не разрушают, пусть прекратят свой прозелитизм везде, где живут православные христиане, и пусть обращают ко Христу магометан, язычников и, пожалуй, протестантов. Ведь мы, духовные, обязаны вести всех в рай, следовательно, ни у кого не должны зажигать адское пламя раздора.

Вы, западные, и мы, восточные, мало знаем друг друга. От малознания происходит взаимное у нас отчуждение. Будем же обближаться и знакомиться не только посредством умных книг, но и лицом к лицу, ходя мы к вам, а вы к нам, и присматриваясь к благотворным действиям христианства у нас и у вас в больницах, в тюрьмах, семействах, училищах, благотворительных обществах. Тогда мы ощутим веяние благодати у нас и у вас, и ощутив это, призадумаемся, и обдумав, поспешим подать друг другу чистые и теплые руки свои. Вас разъединяют с нами учения о Св. Духе, об Евхаристии, чистилице, главенстве папы и еще кой о чем. Но есть еще и одинаковые

учения у вас и у нас, например об искуплении, благодати, о воскресении мертвых, о будущей жизни; значит, мы стоим не спинами друг к дружке, а рядом, и когда взываем к Богу «Господи помилуй», «Отче наш... остави нам долги наша», тогда Бог равно слышит вас и нас. Христианские добродетели, смирение пред Богом, преданность Его воле святой, самоотвержение, любовь к врагам и проч., и проч. у нас те же, что и у вас. Значит: и у вас и у нас сердца теплы. А в теплоте-то сила и жизнь. Из-за чего же мы чуждаемся друг друга и даже враждуем? Из-за учений? Будем учить и веровать согласно с Вселенскими соборами: уча так и веруя так, мы соединимся. Никейский собор определил веровать в Духа Святого, от Отца исходящего, так и будем веровать. Константинопольский собор предоставил римскому папе старшинство ради чести древнего Рима, пусть и будет он старший и первый между равными архиереями, но не глава их, потому что у вас и у нас едина глава Церкви,— Христос.

Когда я беседовал с Прием IX, он сказал мне, что единственное счастье его есть соединение всех церквей в Иисусе Христе; слышите, во Христе, а не в нем! Итак, сей папа признал главою Христа, а не себя. Я был рад этому признанию его и благоговейно поцеловал его святительскую руку, прощаясь с ним. Если папа есть старший и первый между равными, то с нашей стороны неотложно должно быть признано его право утверждать решения соборные, а с его стороны должно быть объявлено смиренное подчинение суду соборному наравне с прочими архиереями, по силе равенства его с ними.

Совершая Евхаристию, вы пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христову усвоете силе слов Господа: «Приимите, ядите...», «Пийте от нея вси...», а ваши униаты², с благословения пап, усвоят его Богу-Отцу по силе молитвенного призывания Духа Святого на дары. Уступка им сделана. Сделайте ее и нам. По вашему учению, души усопших христиан из чистилища переходят в рай, а по нашему учению им, по вере нашей и по молитве и милостыне нашей, дастся облегчение их участи, то есть производится приближение их к раю. Итак, то и другое учение их равносильно.

А что вы скажете о зачатии Девы Марии безгрешном? В XII (XIII.—*Сост.*) столетии богослов Скотт³ проповедовал сей догмат. Вот его аргументация. Бог мог дать Марии всякое совершенство, необходимое для воплощения в Ней Сына Божия; а безгрешность есть совершенство; следовательно, оно дано Ей Богом.

Я ответил так: догматы должны быть эхом Священного Писания. А в этом Писании нет ни слова, ни полслова о безгреш-

ности Марии. Следовательно, такой догмат о Ней не догмат, а выдумка рассудка. Притом нам хорошо известно колебание Римско-Католической Церкви касательно сего учения. Блаженный Августин не решался поднимать вопрос о причастности Марии греху по величайшему благоговению к Ней как Матери Господа *. Мнение о непорочном зачатии Девы Марии в первый раз появилось на Западе в IX веке и выражено Пасхалием Радбертом в его сочинении «О Рождестве Девы» **. Но это мнение, не имеющее основания ни в Св. Писании, ни в церковном предании, там же одними было принято, а другими оспариваемо. В XII веке аббат Гвиберт в своей книге «О похвале Св. Марии» *** утверждал, что она родилась без первородного греха. В том же веке лионская Церковь установила даже праздник в память непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. Но против этого сильно восстал Св. Бернард⁴ и мнение лионской Церкви и праздник ее назвал неправославными ****; сам же учил, что Мария рождена была с грехом первородным, но очищена и освящена наитием Св. Духа. В XIII веке мнение, о котором веду речь, было предметом прений и несогласий между доминиканами и францисканами⁵. В конце этого века праздник непорочного зачатия Девы Марии, бывший до сей поры праздником одной лионской Церкви, сделался общим в Англии и Германии, чему содействовал дух того времени.

В 1493 г. Базельский собор, в 36-м заседании своем, учение о сем предмете признал за догмат всей римской Церкви и воспретил учить противному. Но так как этот собор, по некоторым определениям его невыгодный для папы, не очень уважается на Западе и определения его остаются не обязательными, то и учение о непорочном зачатии Девы Марии, утвержденное им, потребовало нового подкрепления. Это сделано папою Сикстом V (1585–1590 гг.), который написал книгу «De immaculata beatæ Mariæ Virginis conceptione» — о непорочном зачатии блаженной Марии Девы, и первый из пап постановил, чтобы вся Церковь праздновала день сего зачатия *****. Учение Сикста признал и Тридентский собор⁶, но сам отказался выразить

* De natura et gratia, cap. 36 (Migne, Patr. lat. t. XLIV, col. 267. Ред.): De Sancta Virgine Maria, de qua propter honorem Matris Domini, nullam prorsus, cum de peccatis agitur, haberi volo quaestionem.

** De partu Virginis, см. Symbolic. Marheinecke. стр. 31 (Migne, Patr. lat. t. CXX, col. 1367 и след. — Ред.).

*** De laude S. Mariæ (Migne, Patr. lat. t. CLIII, col. 889–892. — Ред.).

**** Epistol. ad can. Lugd. Opera S. Bernardi, стр. 169–172 (Migne, Patr. lat. t. CLVI, 537 и след. — Ред.).

***** Notitia Roman. Pontific, стр. 258.

его*. Однако, смотря на это признание, некоторые из нынешних римских богословов учение о непричастности Девы Марии первородному греху признают только мнением, а не догматом**.

Притом замечательно, что самый праздник, установленный в память зачатия Марии, в Римском Служебнике, *Missale Romanum*, изданном в 1828 году и назначенном для повсеместного употребления, называется просто *conceptio beatae Mariae Virginis*, а не *immaculata conceptio*, зачатием, а не непорочным зачатием блаженной Девы Марии, притом и в службе, положенной в том же Служебнике на день сего праздника (8 декабря), нет ни одного слова, которое напоминало бы о непорочном зачатии Марии***. Итак, и самая история учения о предмете нашего разговора не располагает нас и никого не расположит принять это учение. Следовательно, римским папам, если они серьезно думают о соединении церквей, надобно умалчивать о нем, а мы, имея в руках их Миссале Романум, будем поговаривать и пописывать, что римская Церковь празднует просто-напросто зачатие Пресвятой Марии, как празднует и Восточная Церковь. <...>

Святыни земли Итальянской

<Фрагмент>

<В конце своего пребывания в Риме архимандрит Порфирий встретился с папой Римским, который сказал ему о своем стремлении к соединению Церквей. Тема Рима не раз встречается в дневниках преосвященного Порфирия. Наиболее полно свои раздумья о судьбах Римской Церкви он записал в марте 1848 года, всего через месяц после приезда в Иерусалим и за шесть лет до поездки в Италию.>

13 марта 1848 г., суббота. Рим подобен умирающему грешнику, который не может жить жизнью колыбели, а гроба боится.

* *Declarat haec ipsa S. Synodus non esse suae intentionis comprehendere in hoc decreto, ubi de peccato originali agitur, beatam et immaculatam virginem Mariam, Dei genitricem, sed observandas esse constitutiones felicitis recordationis Sixti papae sub poenis. Sessio V. Appendix.*

** *Theolog. dogmat. Andr. Poh1, стр. 345: «De beata virgine Maria pia et communis est opinio illam ab originali labe omnino mundam fuisse, quamquam haec opinio pia tantummodo opinio sit et non articulus fidei, ab ecclesia nullibi definitus fuit».*

*** *Missale Romanum, стр. 316–318.*